

11 ЯНВ 1963

от

г. Тбилиси

Газета №

17 января 1963 года — большой день в истории мирового театра.

В этот день, как свой личный праздник, актеры и режиссеры всех стран мира торжественно отмечают столетие со дня рождения гениального реформатора русской сцены Константина Станиславского.

«Самому большому человеку русского и мирового театра», — написал в свое время на фотографии, подаренной Станиславскому, знаменитый французский артист Фирмен Жемье. Эта надпись была сделана в конце прошлого века. Тогда Станиславским еще не был создан Художественный театр, Станиславский еще не открыл те научные законы творчества актера, которые впоследствии составили его прославленную «систему», еще не были воплощены на сцене прочитанные им с такой оглушительной новизной Толстой, Достоевский, Чехов и Горький.

С тех пор на протяжении более чем полувека мировой театр развивался и развивается под могучим и благотворным влиянием его театральных идей. Его книги тщательно изучаются, его метод официально декларируется многими театрами Европы, Америки и Азии как творческая программа.

В дни гастролей в Москве удивительного японского театра «Кабуки» я встретился с одним из его замечательных актеров Итикава Энноске Вторым, который покорила московских любителей театра своим проникновенным и глубоко реалистическим по духу исполнением трагической роли в старинной пьесе об опальном мудреце Сюнкане. Пе-

редо мной стоял семидесятилетний патриарх японской сцены. В своем темно-сером халате он и в жизни напоминал героя старинных легенд.

— Я очень благодарен вашему театру, — неожиданно сказал Итикава Энноске. — Вы дали нам Станиславского!

Мне много пришлось бывать в последние годы за рубежом, и где бы я ни был, с артистами и режиссерами каких бы стран ни беседовал, я всюду встречался со Станиславским.

Вена. Театральная школа имени Макса Рейнгагта. Директор школы доктор Ганс Нидерфюр, неожиданно взглянув на часы, прерывает нашу беседу.

— Извините, я должен идти: у меня сейчас начинается урок системы Станиславского....

Великая общность и братство искусств. Как не поражаться ей снова и снова!

Драгоценный опыт мирового театра всегда присутствовал в его новаторских поисках и открытиях. Великая театральная система, воздвигнутая Станиславским, созданный и руководимый им вместе с Владимиром Немировичем-Данченко Художественный театр, поставленные им спектакли, сыгранные им роли были, прежде всего, конечно, явлением глубоко национальным, проявлением русского гения. Они были отражением русской жизни, творением русского народа, впитавшим в себя

Виктор КОМИССАРЖЕВСКИЙ

★
театральные заветы Щепкина и Гоголя, мысли об искусстве Пушкина и Островского, Белинского и Чернышевского. Полный и могучий расцвет его творчества был определен опытом и идеями новой, преображенной революцией социалистической России.

Когда он искал в книгах ответа на мучившие его вопросы, он штудировал не только заметки и письма «отца русского театра» Михаила Щепкина или режиссерские комментарии к «Ревизору» Гоголя, но и внимательно изучал мысли о театре Шекспира, Мольера, Шредера, Риккони и Гете... Он глубоко знал и ценил опыт мирового театра и поэтому особенно горько переживал его кризис, свидетелем которого он был в последнее десятилетие своей жизни.

Мир потрясают величественные и трагические события, от которых, в конечном счете, зависит судьба каждого человека на нашей планете, а во многих театрах Европы и Америки идут пьесы, заменяющие все богатства мира нюансами альковного поединка, весь земной шар — постелью, все человеческие потрясения — скрипитизмом.

К сожалению, речь в данном случае идет не только о ночных клубах и мюзик-холлах.

Да, Станиславский ненавидел

такого рода театр всеми силами своей души, ибо все его творчество, вся его философия и практика театра была, как он сам говорил, системой «утверждающих жизнь положений». Миссия художника сцены всегда для него была гражданской, общественной миссией, призывающей актера и режиссера говорить на сцене правду для того, чтобы не только объяснить, но и изменять жизнь.

И как радостно, что сегодня в зарубежном театре есть немало здоровых, прогрессивных сил, которые честно и мужественно ведут своего зрителя по «ступеням большой лестницы» Станиславского вверх, к борьбе за лучшую, справедливую жизнь.

Всю жизнь Станиславский искал «синюю птицу» правды, ключи, которые естественно раскрывали бы в актере его творческую природу, помогали бы ему творить по законам самой органической жизни, утверждали бы на сцене все неисчерпаемое богатство «жизни человеческого духа».

В начале пути он думал, что таким ключом может быть чувство актера. Но чувство улетало от него, как пугливая птица. Потом он хотел сразу овладеть характером роли. Но это часто приводило к «передразниванию» характера, а не к жизни в образе. Затем он решил, что таким ключом будет актерская воля. Но и она часто оказывалась непослушной. В последнее десятилетие своей жизни — в тридцатые годы — Станиславский пришел к новому великому открытию. Самым верным и надежным путем к правде жизни на сцене оказалось действие, поведение человека, его поступки, овладев которыми, актер естественно входил в эмоциональный мир роли и постигал характер ге-

роя. Это было венцом системы. Но вместе с тем это было лишь начало новых поисков.

Мне посчастливилось быть на последней в жизни репетиции Станиславского. Он спустился к нам с антресолей, как всегда безукоризненно элегантно одетый, но лицо его было мертвенно-восковым и потусторонним. Видно было, что он смертельно болен. Его окружали врачи и сиделки. В руках у них были шприцы и пузырьки с лекарством, они то и дело поглядывали на часы. Станиславскому было разрешено репетировать не больше часа. Станиславский репетировал шесть часов без перерыва. Уже через полчаса после начала репетиции его лицо стало молодым и прекрасным. Перед нами снова был «красавец-человек», как называл Станиславского его друг Максим Горький. Перед нами был человек, который, казалось бы, познал в театре все. Он создал ряд знаменитых театральных трупп. Произвел революцию в драматическом и оперном искусстве. Воспитал целые поколения актеров и режиссеров. Дал людям первую в мире «науку о творчестве», подтвердив ее своим собственным вдохновенным и мудрым опытом на сцене. Прощаясь с нами в тот день, семидесятилетний Станиславский сказал: «Очень не хочется умирать... Мне кажется, что я только сейчас начинаю кое-что понимать в театре... Мне кажется, что я в самом начале своего пути».

Он искал истину до последнего дыхания. Искал, чтобы отдать ее людям, отдать народу своей страны, народам всех стран, населяющим нашу землю, которую он хотел видеть землей Дружбы и Единения, а не землей войн и раздоров.